

Статья написана на основе полевых и архивных исследований (лето 2021), выполненных в ходе работы над научным проектом «Архитекторы и инженеры восточных окраин России (вторая половина XIX – начало XX века)». Дается краткий обзор архитектурного ландшафта Читы. Основной блок посвящен творческому наследию архитектора Г. В. Никитина, работавшего в Чите в 1897–1906 гг. Рассмотрено 6 сохранившихся построек. Даются описания и стилистический анализ объектов, делается вывод о широчайшем творческом диапазоне провинциального архитектора.

Ключевые слова: Чита; архитектура; Г. В. Никитин. /

The article reflects the results of the research carried out by the authors in the framework of the scientific project: "Architects and engineers of the eastern outskirts of Russia (second half of the XIX - early XX century)". The legacy of the city architect Nikitin (6 surviving buildings) is considered. Descriptions and stylistic analysis of objects are given, a conclusion is made about the broadest creative range of the provincial architect.

Keywords: Chita; architecture; G. V. Nikitin.

Оправдание Никитина / Nikitin's acquittal

Введение: открытие Читы

Чита, основанная на полвека раньше Петербурга (1653) и прошедшая за двести лет обычные стадии «восточного фронта» (зимовье – острог – слобода – поселок золотопромышленников – уездный центр с регулярной планировкой – мощный железнодорожный узел – областная столица территории, равной по площади среднему европейскому государству) сегодня один из самых «негромких» русских городов, «слепое пятно» в культурном ландшафте Восточной России. Несмотря на «декабристскую легенду», этот топоним не вызывает никаких ассоциаций (кроме смутного ощущение опасного захолустья). Чита, в отличие от хорошо известного столичной интеллигенции Иркутска, лежит вдали от байкальских туристических маршрутов. Чита не расположена на китайской границе подобно Кяхте или Благовещенску, не поражает буддистской экзотикой как Верхнеудинск, в ее окрестностях нет впечатляющих пейзажей, открывающихся из вагонного окна транссибирского экспресса на подъезде к Хабаровску или Красноярску. Ничто не манит сюда туристов и блогеров – в котловину, зажатую между темных сопок; визуальный образ города, его иконические объекты полностью отсутствуют в массовом сознании. Тем поразительней первое впечатление от Читы. Огромное количество прекрасно сохранившихся памятников архитектуры: резные деревянные терема с острыми башенками и сложносоставными шатрами, краснокирпичные лабазы и гимназии, бодрое купеческое «барокко», монументальные торговые дома с угловыми ротондами под куполами, отмечаящими перекрестки четкой ортогональной сетки, вернакулярный, грубоватый, но весьма выразительный модерн, а также гектары аутентичной усадебной застройки, поднимающиеся вверх по склонам сопки.

В концентрированном виде здесь представлена вся история и типология «русской восточной» архитектуры. Один из первых городских архитекторов Максимилиан Юрьевич Арнольд до перевода в Читу (1888) служил в Красноярске и Томске. Хотелось бы думать, что именно оттуда были импортированы приемы деревянной городской архитектуры («сибирское барокко»). Впрочем, Арнольд прямо перед Читой успел поработать вместе с И. С. Китнером и В. А. Шретером над лютеранской

кирхой в Тарту; возможно, и этим опытом были инспирированы «готические» шатры читинского почтамта, распахнувшего свои крылья на главной (быв. Софийской) городской площади в 1893 г.

Стремительный подъем Читы, как и многих дальневосточных поселений, начался с открытием железнодорожного сообщения (1897). Город охватил строительный бум, обеспеченный притоком «золотоприисков» денег; вслед за М. Ю. Арнольдом в Чите появились десятки архитекторов с петербургским образованием и опытом работы в самых разных губерниях Российской империи, поэтому в застройке города органично интегрированы черты различных архитектурных школ. Несмотря на стилистическое разнообразие читинского культурного ландшафта, в нем можно выделить характерные особенности:

- сочетание в одном здании нескольких деревянных блоков, разделенных в противопожарных целях кирпичными вставками;
- общая гиперболизированность, крупномасштабность детализовки.

Отрадно заметить, что в Чите сохранились не только отдельные памятники, но целые кварталы и районы: в этом отношении забайкальская столица уникальна. Экономическая стагнация «законсервировала» ее исторический облик. Бедность и неприязнательность местного населения таковы, что всюду уцелела аутентичная «столлярка»: оконные переплеты не заменяют стеклопакетами, натяжные потолки не скрывают лепные розетки, а гипсокартонные стены – голландские печи; фасады не обшивают сайдингом (в отличие от, например, Уссурийска, где имеются большие фрагменты исторической среды, неузнаваемо преобразованные «евроремонтом»).

Тема нашего исследования ограничена началом XX века, но, пользуясь случаем, упомянем впечатляющие читинские ансамбли советского периода и дворцы силовых ведомств с мощной ордерной архитектурой. Несмотря на очень жесткий даже по дальневосточным меркам климат и ужасающую экологическую ситуацию, мы склонны высоко оценивать туристический потенциал Читы как историко-культурного поликонфессионального центра и надеемся, что статья поможет «открыть Читу» широкому кругу читателей.

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский государственный университет

Михаил Базилевич

Тихоокеанский государственный университет /

text

Alina Ivanova

Pacific National University

Mikhail Bazilevich

Pacific National University

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>
Acknowledgements:
The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>

^ Рис. 1. Чита,
ул. Кастринская, 25.
Фото А. П. Ивановой

Источниковая база

Профессиональное изучение архитектурного наследия Читы и формирование аннотированного свода памятников города было начато в 1990-х гг. при помощи наших хабаровских коллег – Н. П. Крадина и П. В. Баклыского [1]. Именно они стояли у истоков читинского архитектуроведения, составив планы и аналитические описания основных читинских достопримечательностей.

О Чите написано несколько книг, достаточно популярных у местных жителей [2; 3]. Их добросовестные авторы-краеведы практически дословно цитируют многочисленные и обширные документы (служебные переписки, послужные списки, материалы конкурсов на замещение должности городского архитектора, ходатайства о разрешении строительства и т. п.), хранящиеся в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и касающиеся формирования архитектурного ландшафта Читы с 1870 по 1914 гг.

В Чите работает «Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия» (ЦОС), аккумулирующий результаты десятилетних исследований и фотофиксаций всех построек, имеющих хоть какую-то историческую ценность [4], регулярно обновляется свод памятников, сотни объектов снабжены охранными табличками, что качественно отличает Читу от ряда дальневосточных городов, где уничтожение исторического ландшафта приобрело необратимый характер.

Научная работа сотрудников ЦОС и ГАЗК ведется на высоком профессиональном уровне (пользуясь случаем, хотим выразить им искреннюю благодарность за помощь), но проблема в том, что «читинский нарратив» не выходит за рамки локального краеведения. Поиск в сети выдал лишь одну относительно свежую (2017) научную статью новосибирских коллег о читинской кирпичной архитектуре [5]; ее авторы впервые опубликовали проект синагоги, хранящийся в фондах ГАЗК [6], о котором пойдет речь ниже. Мы сосредоточимся на основном сюжете статьи – фигуре Г. В. Никитина.

Плохая репутация

Любой историк архитектуры сразу выделит несколько построек из живописного архитектурного ландшафт-

та забайкальской столицы. Это совершенно разные по размеру, материалу, стилистике здания, которые объединяет одно – удивительная для провинции свобода формотворчества. Все они – и крошечные деревянные особнячки, и феерический кирпичный дворец местного туза, и романтический викторианский коттедж, и смелые импровизации в брутальном ар-нуво. и самая большая на Дальнем Востоке синагога – лучший из известных автору пример русского «мавританского» стиля к востоку от Урала – созданы местным «самородком» Гавриилом Власевичем Никитиным (1864–1946).

Впрочем, печать «самородка» противоречит биографической справке. Сын урядника Кубанского казачьего войска сумел получить стипендию Кубанского областного правления для поступления в Санкт-Петербургскую Императорскую академию художеств, что говорит о недюжинных способностях молодого человека как к рисованию, так и к нетворкингу – способности налаживать полезные дружеские связи. Закончив в 1889 г. обучение по классу архитектуры со званием художника 3-й ст., он начал свою карьеру на родной Кубани (Ейск, Екатеринодар), но в 1896 г. перебрался в Якутск, что косвенно свидетельствует о неблагоприятных обстоятельствах, заставивших Никитина пойти на столь экстремальный шаг. Начало нового века он встретил архитектором Нерчинской каторги (Нерчинск, вопреки своей мрачной репутации, был вполне состоятелен в отношении архитектуры, так как там имелся круг обеспеченных заказчиков-заводчиков), но уже через год переехал в Читу, где возобновил творческую карьеру и по поручению городской Думы выполнял обязанности главного архитектора. В очередной раз угодив под суд, Никитин был вынужден устроиться учителем чистописания и рисования, а в 1906 г. навсегда покинул Читу и до пенсии переезжал из города в город, скитаясь по разным концам Российской империи и молодого советского государства от Кишинева до Оренбурга, от Мурманска до Сталинабада, периодически возвращаясь в Петербург, пока перед войной не осел в Анапе, где пережил немецкую оккупацию, но в 1946 г. погиб, подорвавшись на mine (этот драматичный и эффектный конец обязательно упоминают все авторы «никитинского нарратива» [7]).

v < Рис. 2, 3.
Чита, ул. Кастринская, 25.
Фото А. П. Ивановой

Он прожил в Чите меньше 10 лет из своей долгой (82 года) жизни. Для самого Никитина читинский период был, вероятно, почти случайным этапом его весьма насыщенной биографии, но след, оставленный им в забайкальской столице, забываем. Даже 116 лет спустя читинцы повторяют рассказы о непростом характере скандального архитектора (твердо настаивал на полной выплате обещанного гонорара), о «непрофессионализме» Никитина (вследствие которого обрушивались перекрытия построек), о том, что Никитин был «художник, не понимавший конструкций» и постоянно находился под судом. Однако мы склонны полагать, что слухи о профессиональной несостоятельности Никитина были инспирированы его же коллегами, так как за место городского архитектора шла серьезная борьба [8], и у блестящего виртуоза стилистических импровизаций наверняка хватало недоброжелателей. Свободный, раскрепощенный дар Никитина буквально «взламывал» читинский архитектурный ландшафт, и на его фоне большинство местных зодчих выглядели провинциальными компиляторами (чем они, по сути, и являлись).

Косвенным свидетельством необоснованности предъявляемых Никитину претензий является дело Уголовного кассационного департамента Сената от 1904 г., где говорится об «отмене приговора бывшего архитектора Нерчинской каторги в Иркутской губернии Г. В. Никитина, осужденного за нарушение строительных правил при постройке Читинской учительской семинарии» [9].

Попытка категоризации читинских построек Никитина затруднена из-за разнообразия его наследия. Принцип хронологической последовательности сомнителен, так как десяток объектов строился одновременно, да и вся его бурная деятельность на архитектурном поприще в Чите была короткой – примерно пять-шесть лет. Поэтому будем использовать самый простой способ: по строительным материалам. Рассмотрим три деревянных постройки, кирпичный особняк с деревянными деталями и два капитальных двухэтажных кирпичных здания: это лишь часть читинского архитектурного наследия Никитина. В выборе объектов мы руководствовались личными вкусовыми пристрастиями.

> Рис. 4. Фрагмент усадьбы Коновалова. Чита, ул. Амурская, 108. Фото А. П. Ивановой

Сохранилось два одноэтажных жилых дома (ул. Амурская, 108 и ул. Кастринская, 25), резко выделяющихся из рядовой застройки фантастическими гиперболизированными элементами декора, к которым сложно подобрать определение – это не волюты и не фронтоны, а мощные спиралевидные выносные детали, придающие фасадам поразительную экспрессию. Мы склонны трактовать их символику не как привычно-солярную, а как попытку воспроизвести стремительный взлет кометы (рис. 1).

Маленький, в два окошка доходный дом Коновалова (1906) на одной из главных городских улиц (Амурская), защищен «охранной» табличкой и поэтому находится в удовлетворительном состоянии, чего, к сожалению, нельзя сказать о доме на ул. Кастринской (рис. 2). Сравнив фотофиксации, сделанные десять лет назад сотрудниками ЦОС, с его сегодняшним состоянием, мы вынуждены констатировать неотвратимость исчезновения этого уникального примера деревянного забайкальского модерна: трещины на потолке и стенах приобрели угрожающий характер, опоры веранд подкосились так, что части зданий висят в воздухе, и дом буквально съезжает в эрозирующий овраг (рис. 3).

Планировочное решение этих объектов различно – «коноваловский дом» развернут на Амурской улице юго-западным торцом, прямоугольное в плане здание развивается вглубь участка, а на красную линию выходит миниатюрный (просится определение «игрушечный») квадратный фасад в два окна (рис. 4). «Волюта» размещена справа, над воротами, поэтому фасадная композиция ассиметрична. Дом на ул. Кастринской вытянут вдоль красной линии длинным боковым фасадом в четыре окна, «волюты» расположены на разных флангах, над боковыми входными группами, поэтому фасад симметричен. На обоих домах угловые лопатки покрыты накладной ромбовидной «плетенкой», в резном декоре читается мотив восходящего солнца, а вместо карниза используется горизонтальный «балдахин» с арочными очертаниями, сильно вынесенный вперед и дающий глубокую тень. Сандрики окон, скрывающиеся в тени карниза, так выдвинуты от плоскости стены, что формируют активную, многоплановую пластику фасада. Помимо двух

«никитинских» домов, этот прием используется в декоре двухэтажного деревянного дома (Ленина, 36) с неатрибутированным авторством проекта, – возможно, был общий первоисточник или, что более вероятно, находки Никитина апроприировались вернакуляром.

Если рассмотренные выше объекты (рубленные в лапу и обшитые досками) еще можно назвать «избами», то двухэтажный деревянный особняк Игнатьевых (1903) – настоящий городской дом, построенный в самом сердце исторического центра Читы (ул. Анохина, 53), в квартале, ограниченном улицами Полины Осипенко (Иркутская) – Ингодинской – 9 Января (Сретенская) – Анохина (Коротковская). Профессиональное описание этого объекта и всего квартала выполнил в 1992–1993 гг. Н. П. Крадин (тогда – кандидат архитектуры, сегодня – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН) для аннотированного свода памятников культуры Забайкальского края. Дом Игнатьевых – прекрасный пример русского стиля: асимметричный фасад с тонко выстроенным балансом башенного объема, увенчанного шатром на правом фланге и ризалитом под четырехгранным куполом на левом, производит впечатление «билибинского» терема. Композиционный центр выделен килевидным полуфронтоном со шпилем. Парадный фасад дома Игнатьевых, выходящий на красную линию, ориентирован не очень благоприятно – на северо-восток. Чтобы увеличить площадь освещения, используется граненый эркер (рис. 5): этот прием, обычный для коммерческой застройки северного Петербурга, где Никитин провел студенческие годы, был настоящей сенсацией на фоне крайне неприятного читинского архитектурного ландшафта. С 1992 г. в доме Игнатьевых размещается ЦОС, поэтому оформление парадной анфилады второго этажа (разнообразные лепные розетки, падуги, тяги и плафоны на потолках, высокие филенчатые двери, панели с росписями, лепные фризы и кованые элементы с мотивами виноградных лоз, изразцовая печь) находится в хорошем состоянии, но, к сожалению, витражи эркера утрачены, а секрет производства читинского цветного стекла забыт.

Мы переходим от обзора деревянных построек Никитина к более капитальным. На самом пике своей читинской карьеры Никитин построил себе небольшой

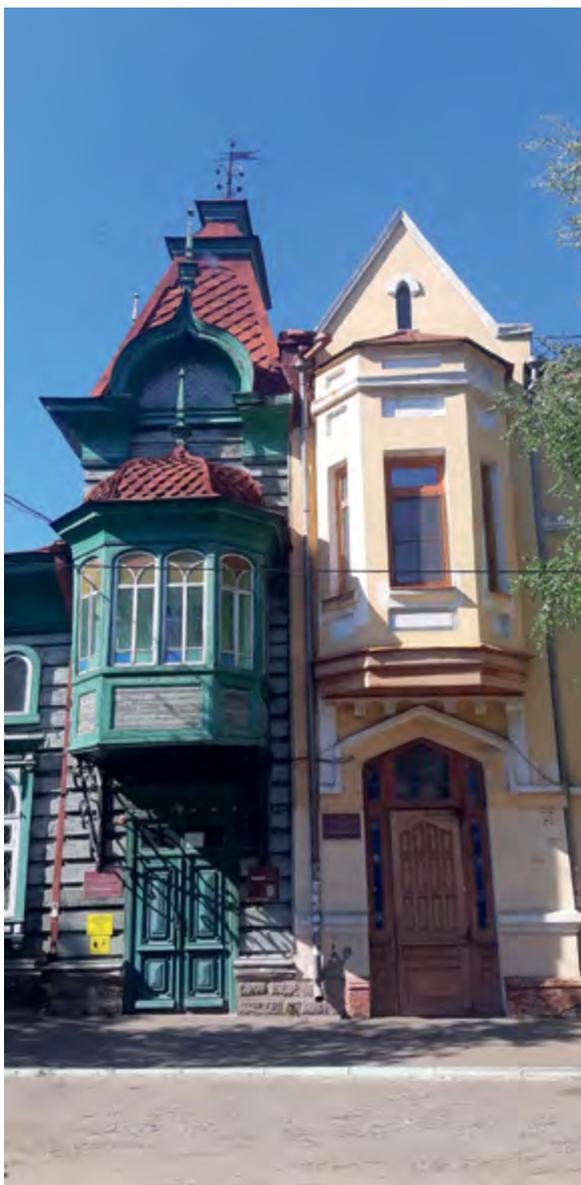
^ Рис. 7. Дом В. В. Хлыновского.
Фото предоставлено сотрудником ЦОС

^ Рис. 5. Собственный дом Г. В. Никитина. Чита, ул. Кастринская, 1а. Начало XX в.
Фото предоставлено сотрудником ЦОС

Г-образный в плане кирпичный особняк, увенчанный деревянной башенкой с обходным резным балкончиком и шатром, увенчанным флюгером. Здание в низине с видом на речку, воздвигнутое на слиянии Амурской и Кастринской улиц (д. 1а), по-видимому, задумывалось в рекламных целях и должно было наглядно продемонстрировать потенциальным заказчикам авторский стиль и мастерство хозяина [10]. Действительно, несмотря на многочисленные утраты и «реконструкции», этот никитинский *opus magnum* и сегодня производит сильное впечатление переусложненной композицией разновысотных объемов, нагромождением фронтонов и многосоставных кровель, выдвинутыми в разные стороны портиком, балконами и верандами, но прежде всего – непринужденным микшированием всей палитры ретростилей. В очертаниях входных арок можно уловить нечто «сарацинское», профилированные «античные» карнизы украшены сухариками, над центральным окном – классический треугольный сандрик, чуть выше – большой криволинейный фронтон с барочным лепным декором, левее – килевидный проем слухового окна, а над всем этим великолепием возвышается деревянная башенка, словно сошедшая со страниц альбома «Мотивы русской архитектуры». Судя по архивным фотографиям (рис. 6), многочисленные выбеленные детали (карнизы, рваный руст, объемные лопатки, фигурные кронштейны и проч.) эффектно выделялись на фоне открытой кирпичной кладки, что создавало эффект «викторианства», усугубляемый обилием ажурных кованых решеток и замысловатыми оконными переплетами. При этом дом Никитина с первого взгляда распознается как образец безусловного модерна, что лишний раз подтверждает виртуозность архитектора.

На наш взгляд, лучшая читинская постройка Никитина – двухэтажный кирпичный дом купца первой гильдии Василия Васильевича Хлыновского (ул. Анохина, 48; 1902), расположенный буквально в двух шагах от деревянного дома Игнатьевых и выходящий некогда монументальным фасадом на Старо-базарную площадь. Это еще одна вариация Никитина на тему национального романтизма: первоначальный силуэт дома городского головы представлял собой эффектную композицию с шатрами на флангах и куполом, фиксирующим ось сим-

< Рис. 6.
Чита, ул. Ингодинская, 19.
Фото А. П. Ивановой

> Рис. 8.
Дом В. В. Хлыновского.
Чита, ул. Анохина, 48.
Фото А. П. Ивановой

v Рис. 9.
Дом В. В. Хлыновского.
Чита, ул. Анохина, 48.
Деталь фасада.
Фото А. П. Ивановой

метрии (рис. 7). Первоначальный облик здания погублен в 1930-х гг. при надстройке третьего этажа (рис. 8), но даже в таком виде дом Хлыновского кажется невероятной – принимая во внимание окружающий контекст – театральной декорацией с глубокими «итальянскими» лоджиями и остатками кованого декора (рис. 9).

Из сохранившегося наследия Никитина в наиболее бедственном состоянии находятся два объекта – одноэтажный деревянный дом (ул. Кастринская, 25; рис. 3), о котором говорилось выше, и здание синагоги (ул. Ингодинская, 19; рис. 10), отданное межрайонной уголовно-исполнительной инспекции УФСИН Рос-

сии по Забайкальскому краю (сама синагога сегодня занимает небольшое подвальное помещение в торце). В советское время здание использовалось как госпиталь, и молельный зал был перекрыт для увеличения полезной площади.

Это самая капитальная постройка, воздвигнутая в Чите по проекту Никитина и, по словам местного шамаша (служителя синагоги), вторая по величине синагога в России. Сегодня декор полосатых парадных фасадов по Ингодинской и Камчатской ул. практически полностью уничтожен, но, судя по проекту, Никитин ориентировался на Большую хоральную синагогу Л. И. Бахмана, которая

> Рис. 10. Вестверк синагоги. Чита, ул. Ингодинская, 19.
Фото М. Е. Базилевича

строилась в Санкт-Петербурге в 1880-х гг. Нетрудно предположить, что именно столичная синагога послужила Никитину, учившемуся тогда же в Петербурге, образцом для подражания. В самом конце XIX – начале XX вв. помимо Большой хоральной синагоги в Санкт-Петербурге, в «мавританском» стиле были построены синагоги в Киеве (синагога Розенберга, арх. Николай Горденин, 1894–1895 и синагога Бродского, 1897–1898), Томске (арх. А. И. Лангер, 1901), Грозном (1900–1902), Воронеже (арх. Станислав Мыловский, 1902), Самаре (арх. Зельман Клейнерман, 1908) и Выборге (арх. Виктор Риихеля, Герхард Сольберг, 1909–1910). Проект Никитина не только не уступал им, но выглядел гораздо эффектнее.

Заключение

Интересно сравнить творческое наследие Никитина и Л. И. Корганова, который появился в Чите через год после отъезда («бегства») Гавриилы Власевича и успешно работал там до 1917 г. Постройки по проектам Карганова ценны именно «типичностью»: он улавливал некую медианную составляющую культурного запроса и четко ее реализовывал, не отклоняясь от «среднего вкуса». Никитин, напротив, в каждом заказе пытался продемонстрировать уникальность авторского стиля; его постройки театральны и артистичны, они инородны читинскому контексту, но вместе с тем именно эти здания являются архитектурными символами города.

Дальневосточный культурный слой, подобно дальневосточному гумусу – тонкому слабому плодородному слою на метровых толщах дикого суглинки – крайне уязвим. Хотя русский Дальний Восток не являлся ареной разрушительных войн, в силу различных причин (пожары, землетрясения, тотальный снос и т. п.) культурные ландшафты наших городов полностью или частично, но непоправимо уничтожались. Чита, сохранившая гектары исторической застройки – уникальная резервация русской дальневосточной культуры, а постройки Г. В. Никитина – наиболее ценная часть читинского архитектурного ландшафта.

Литература

1. Баклыский, П. В. Элементы модерна в деревянной архитектуре Читы // Проект Байкал. – 2009. – № 20. – С. 178–183

2. Немеров, В. Ф. Прогулки по старой Чите. – Чита : Экспресс-издательство, 2010. – 332 с. : ил.

3. Лобанов, В. Г. Старая Чита. Документальный рассказ. – Чита : Полиграфсервис, 2001. – 269 с.

4. Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края : Сайт ГУК. – URL: <https://gsookn.75.ru/struktura> (дата обращения: 10.11.2020)

5. Леонтьева, К. А., Радзюкевич, А. В. Кирпичные памятники архитектуры, построенные в г. Чите в период модерна и эклектики (конец XIX – начало XX в.) // Творчество и современность. – 2017. – № 3 (4) – URL: <https://nsvts.ru/node/100> (дата обращения: 10.11.2020)

6. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 1

7. Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3117> (дата обращения: 10.11.2020)

8. ГАЗК. Ф. 78. Оп. 3. Д. 118. Л. 8–10

9. РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 421

10. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 495. Л. 4

References

Baklysky, P. V. (2009). Elements of Art Nouveau in Wooden Architecture of Chita. Project Baikal, 6(20), 178–183. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.20>

Encyclopedia of Transbaikalia. <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3117>

Leontyeva, K. A., & Radzyukovich, A. V. (2017). Brick monuments of architecture built in Chita during the Art Nouveau and Eclectic period (late 19th - early 20th centuries). Creativity and modernity. Online edition, 3(4). <https://nsvts.ru/node/100>

Lobanov, V. G. (2001). Old Chita. Documentary story. Chita: Polygraphservice.

Nemerov, V. F. (2010). Walks in Old Chita. Chita: Express Publishing House.

RSHA (Russian State Historical Archives). Fund 1363. Inv. 7. File 421.

SATBT (State Archives of the Trans-Baikal Territory). Fund 78. Inv. 1. File 317. L. 1.

SATBT (State Archives of the Trans-Baikal Territory). Fund 78. Inv. 3. File 118. Ll. 8-10.

SATBT (State Archives of the Trans-Baikal Territory). Fund 94. Inv. 1. File 495. L. 4.

Site of the State Institution of Culture "Center for the Protection and Preservation of Cultural Heritage Sites" of the Trans-Baikal Territory, <https://gsookn.75.ru/struktura>